

УДК 5.3.1 (575.2) (04)

АНГЛИЙСКИЕ “ПУТЕШЕСТВЕННИКИ” – РАЗВЕДЧИКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В.П. Яншин – ст. преп.

The author has analyzed the papers of English travelers – explorers of Central Asia.

На рубеже XVIII–XIX вв. Англию очень интересовали страны Памира и Тянь-Шаня, поскольку развитие капитализма подталкивало на поиски новых земель для колонизации и торговли. Капитализм в колониях в первой половине XIX в. был “экстенсивным”, т.е. достижение прибыли шло не за счет более качественного освоения захваченных земель, а за счет приобретения новых владений. К началу XIX в. большинство индийских княжеств утратили свою независимость. Взоры Ост-Индской компании обратились на север. Помимо экономических, были и политические мотивы. Индия – жемчужина Британской империи – со всех сторон, кроме севера, была в безопасности. Географические представления англичан, как впрочем и других европейцев, о районах, лежащих между Северной Индией и казахскими степями, были смутными. Предпринятый поход Платова в 1800 г. к Индии напугал англичан, которым казалось реальностью появление русских у границ Индии в ближайшее время. Становились актуальными задача выяснения истинных расстояний, лежащих между Россией и Индией, а также установления отношений с Центрально-азиатскими государствами для противодействия продвижению России на юг.

Первым в XIX в. в Центральную Азию, насколько нам известно, посетил служащий Ост-Индской компании Георг Людвиг фон (фамилия неизвестна), нанятый для покупки лошадей в Туркестане [1]. Он в начале XIX в.

(1804–1805 гг.) совершил путешествие по следующему маршруту: Кашгар, Бадахшан, Коканд, Туркестан, Киргизская степь и обратно через Отрар, Самарканд, Кашгар и Яркенд в Индию [2]. Обширность маршрута заставляет думать, что поездка носила отнюдь не торговый характер, а была разведывательным путешествием. Необходимо заметить, что сведения об этом путешествии вызвали недоверие у некоторых исследователей, которые отрицают реальность этого события, а фигуру Георга Людвиг фон считают вымышленной [1].

В 1812–1813 гг. Мир Иззет Улла предпринял поездку по заданию У. Муркрофта по Кашмиру, Тибету, Восточному Туркестану (Яркенд, Кашгар) и Средней Азии (Коканд, Самарканд, Бухара). Ему было поручено зафиксировать “все, что он сам видел и слышал”, вести наблюдения по определенному плану. Необходимо было отмечать: наименование населенных пунктов, их ориентацию по сторонам света, расстояние между ними; характеризовать качество и проходимость дорог; дать сведения об обеспеченности питьевой водой, фуражом, топливом; указать пункты, удобные для устройства походных военных лагерей; описать вооруженные силы и фортификацию местных государств [3]. Задание было блестяще выполнено. Вызывает интерес упоминание Мир Иззет Уллы об одном ташкентском купце в Кашгаре, на имя которого у него были письма. Кроме того, Мир Иззет Улле некто Мулла Наср Кашгари передал сведе-

ния о дорогах, поселениях и условиях путешествия от Пекина до Кашгара, включающее описание 126 станций на этом пути [4]. Также в отчете упоминается имя Хафиза Фазик-хана, который предоставил ему разнообразные сведения о торговых путях [3]. Все это позволяет утверждать, что уже в начале XIX в. в Восточном Туркестане у Ост-Индской компании была достаточно разветвленная разведывательная сеть, состоящая из торговцев и духовенства из числа мусульман.

В середине 10-х годов XIX в. начинается “исследовательская” деятельность Уильяма Муркрофта настолько успешная, что уже в 1818 г. китайская полиция прибила к стенам Яркенда рыжее изображение Муркрофта “для скорейшего разузнания и арестования желающих пробраться в Небесную империю (Китай), его соотечественников” [5]. Сам он состоял на службе в Ост-Индской компании в качестве военного ветеринара и директора военных конюшен. Официальной целью экспедиции Муркрофта и Требека в 1819–1825 гг., как было объявлено, явились “поиски лошадей” для индийской армии. Однако в предисловии к его книге указывалось, что целью его поездки являлось сокращение, если не ликвидация русской торговли в Средней Азии [6]. Путешествие началось в 1819 г. в направлении Восточного Туркестана из Индии. Миссия была хорошо вооружена и имела две пушки [6]. Оказавшись в Ладаке, Муркрофт был задержан там местными властями на 2 года (1820–1822 гг.). За это время он собрал сведения о крае, численности населения, городах и селениях, путях, климате, хозяйстве, укреплениях и войсках [7]. Далее со своим спутником Требеком прошел из Кабула через перевал Хуннай в Балх, собирая сведения о фортификационных сооружениях. Так, он отмечал, что в Таш-Кургане имеются два форта, один – на правом берегу реки, на возвышенности; другой – на левом берегу, на равнине. Оба форта земляные и не отличаются крепостью. Город окружен земляным валом с деревянными воротами. Против действия артиллерии он не может устоять [8]. Прибыв в Кундуз, Муркрофт был заподозрен в шпионаже и вынужден был бежать в Талихан, откуда он добрался до Бухары, продолжая собирать военно-стратегические

сведения. Помимо Требека, Муркрофта в этом путешествии сопровождал Мир Иззет Улла [8]. На обратном пути из Бухары Муркрофт погиб в Андхое, а Требек – в Мазаре [9].

За время своего путешествия Муркрофт сделал важный вывод о необходимости присутствия британских агентов в торговых пунктах Средней Азии с обширными политическими полномочиями [6]. Миссия Муркрофта завершает период предварительных обследований регионов в Центральной Азии.

К началу 30-х годов XIX в. англичане продвинулись далеко на север, к границам Афганистана. Необходимо было подчинить его, чтобы двинуться к городам Средней Азии. Довольно легкое завоевание Индии настраивало Ост-Индскую компанию на то, что и Афганистан также легко будет покорен. С целью разведки предстоящего театра военных действий и был послан в 1831–1833 гг. А. Бернс под видом мусульманского купца. Маршрут пролегал через Кабул и Гиндукуш в Кундуз и Бухару, далее через Мерв в Персию. В предисловии к своей книге Бернс прозрачно намекает на чисто разведывательные цели своей поездки и призывает к дальнейшему, более решительному действию в этом регионе, со стороны английских властей [1, 10]. На всем своем маршруте он изучал дороги, рынки, месторождения ископаемых богатств, численность войск местных государств [9]. Так, Бернс отмечал, что “в войске Мурад-бека Кундузского насчитывается 30 тысяч всадников и 6 пушек, пехоты нет” [8]. Большое внимание уделял расспросам местного населения. Бернс писал: “Простаки думают (узбеки в Бухаре), что лазутчикам необходимо только вымеривать их крепости и стены, и того не понимают, как важны разговоры” [3, 10]. В этом путешествии его сопровождал Мунши (письмоносец) Мохан-лал [8]. Во время первой англо-афганской войны 1838–1842 гг. Бернс оказался в Кабуле, во время народного восстания, пытаясь бежать, он переоделся в женское платье, но был опознан и убит [11].

Помимо англичан и местных жителей, находящихся на службе, Ост-Индская компания прибегала к услугам и иностранных поданных. Так, в 1836–1838 гг. Хонигбергер прошел из Индии через Бухару в Россию [9].

В 1838 г. один из спутников А. Бернса, Д. Вуд “исследовал” Памир. Основным объектом его исследований были памирские крепости и дороги, ведущие к Бухаре и Коканду. Так, он писал: “крепость Камруд расположена на берегу р. Кундуз, здесь река имеет ширину 24 фута; средняя глубина не превышает 2-х футов, а течение имеет скорость 4–5 миль в час. Крепость лежит на высоте 5 тыс. 600 футов” [8]. Далее Вуд отмечает, что крепость Джерма является наиболее важной из всех в Бадахшане [1], а лучшая переправа через Аму-Дарью, расположена у замка Шарвака, где кундузский мир (правитель) переправлял даже пушки, а летом в этом месте переплывался Мурад-бек с конницей [8]. Из Бадахшана он проследовал в Вахан, тщательно отмечая все населенные пункты, их географическое положение, расстояние между ними, режим рек, ландшафт и климат Памира. Помимо этого Вуд замечал возможные препятствия для продвижения войск в этой местности, например, что на Памире нет дающих лесоматериалы деревьев, характерных для Гиндукуша [1].

Начавшаяся англо-афганская война протекала вначале достаточно успешно для англичан, поэтому британское командование, посчитав покорение Афганистана фактически законченным, стало готовиться к дальнейшему наступлению на Бухару, Коканд и Хиву. Для этой цели в Герате с июля 1839 г. обосновался капитан Эллиот д’Арси Тодд, руководящий военно-политической и экономической разведкой в среднеазиатских ханствах [12].

В это время наиболее интересным для британской разведки был район Хивы, куда и были направлены Шекспир, Аббот, Вейберд, последний после “активной” деятельности бежал в Бухару, где и был казнен [28].

Летом 1840 г., во время оккупации Кабула, в Хульм выехал Стерт с Берслемом, которым было поручено британским правительством съёмка горных проходов. Помимо этого Берслем охарактеризовал условия для прохождения войск на север, к среднеазиатским ханствам. Так, он писал: “дорога от Рои до Куррама, по причине беспрестанных подъемов и спусков, весьма затруднена для движения артиллерии” [8].

С начала 40-х годов XIX в. активизируется продвижение России в Среднюю Азию. По-

ход Перовского на Хиву в 1839 г., дипломатические миссии в Бухару, подчинение казахов Среднего Жуза и постройка крепостей в Восточном Казахстане, – все это свидетельствовало о возросшем интересе России к Центральноазиатскому региону. Великобритания с тревогой следила за этим продвижением, поэтому даже поражение в Афганистане не ослабило деятельность английских разведчиков.

В 1842 г. в Бухару был направлен полковник Стоддарт, а в Коканд – капитан Конолли. В Коканде Конолли вначале был принят хорошо, но вскоре возбудил подозрение у местных властей и был арестован. После этого он отправился в Бухару, где и был казнен со Стоддартом по обвинению в шпионаже [13]. Такой же конец ожидал в Бухаре и других английских разведчиков – Джоиванни Орландо, Флорс-Назелли, грека Иосифа [28].

Примерно в это же время капитан Феррье “изучал” численность войск и крепости памирских княжеств. Так, он писал, что “в Шиббергане есть цитадель, других укреплений нет. Здесь находится 2 тыс. кавалерии и 500 человек пехоты, но в случае необходимости город может выставить 6 тысяч человек. В Андхое находится 1800 всадников и 600 человек пехоты, но в случае необходимости за 24 часа можно собрать в три раза больше. Ахчи окружен стеной и рвом, в нем есть цитадель. Гарнизон – 200 всадников, но могут выставить до 2-х тыс. человек. В Мазаре – 250 конницы, но может собраться до 1 тыс. человек. В Хульме войско насчитывает 8 тыс. всадников и 3 тыс. пехоты. В Сирпуле – 2 тыс. всадников и 2 тыс. пехоты” [8]. Помимо этого Феррье отметил стратегическое значение Балха, который снабжал хлебом многие провинции Туркестана [8].

В 1844–1845 гг. по заданию британского правительства в Бухару был послан Иосиф Вольф. Он не скрывал цели своего путешествия: “Мое священное звание ученого вызовет почтение. Также, как внушит ко мне доброе расположение, благотворительный характер путешествия. Мое знание языков дает возможность иметь секретные отношения с различными партиями” [13]. Результатами деятельности Вольфа явились срывы военных операций Бухары против Коканда и Шахриябза, после чего за ним был установлен гласный надзор [13].

После поражения в войне с Афганистаном путь через него в Среднюю Азию стал крайне затруднителен для англичан. Поэтому предпринимаются попытки проникнуть в Туркестан со стороны Цинской империи, которая после экспедиции Муркрофта не допускала европейцев в свои пределы. Поражение Китая в первой “опиумной войне” в 1840–1842 гг. давало надежду Англии проникнуть в Среднюю Азию с востока, через Синьцзян. Тем не менее экспедиция Каннингхема и Стрече, посланная в Хотан и Яркенд, не была пропущена местными властями. Таким образом, в конце 40–50-х гг. XIX в. английская разведка в Центральной Азии находилась в своеобразном тупике: проход с юга был закрыт Ираном и Афганистаном, с востока – Китаем, с севера – Россией. Воспользовавшись временным улучшением отношений с Россией, англичане предпринимают попытки проникнуть в Туркестан со стороны России. В 40-х годах XIX в. в Семиречье путешествовал Т.У. Аткинсон. Он посетил в 1848 г. Копал и Семипалатинск. В вышедшей в 1858 г. книге содержалось настолько мало научных данных, что наводит на мысль о разведывательном характере путешествия [14].

В 50-х годах XIX в. продолжилась практика использования небританских подданных для разведывательной деятельности в Центральной Азии. Так, в 1854–1857 гг. по заданию Ост-Индской компании А. Шлагинтвейт исследовал Гималаи, Куньлунь, Синьцзян и Тибет и был казнен в Кашгаре в 1857 г. В 1855–1856 гг. в Яркенде находился кабульский принц, в свите которого было несколько британских агентов [29]. А. Вамбери (подданный Австро-Венгрии), совершивший известное путешествие в Среднюю Азию в 1863 г., пользовался широкой поддержкой британских консулов в Иране и Турции [30]. В 1869 г. русский посол в Константинополе Игнатъев сообщал: “До меня дошло из источника, заслуживающего доверия, что Великобританское правительство отправило в Бухару Суави-Эфенди, турецкого улема, ... на него возложены, как уверяют, тайные поручения... направлять умы тамошнего населения в смысле, конечно, нам враждебном...” [31]. Практика использования иностранцев давала неплохие дивиденды для

успокоения общественного мнения Европы. Так, П.П. Семенов, которому пришлось скрывать от Министерства иностранных дел России свое намерение проникнуть на Тянь-Шань, негодует по этому поводу и восторгается Германией, которая “уже открыто, на глазах всего мира, снаряжает свою экспедицию (А. Шлагинтвейт) в Центральную Азию, направляя ее через Индию” [15].

Кризис 40–50-х годов XIX в. в разведке Центральной Азии подтолкнул англичан к созданию системы пандитов – местных жителей, обученных съемкам и способных выполнять профессионально-разведывательные функции. Эта система была введена Уокером и особенно развита майором Т.С. Монтгомери, начальником Большой Тригонометрической службы Индии, и дала прекрасные результаты. Если раньше использование местных жителей для разведки носило эпизодический характер (Мир Иззет Улла, Мунши Мохан-лал), то теперь оно приобрело неизмеримо больший масштаб [9]. Любопытно, что подобные шаги предпринимались и в России, имеется в виду посылка поручика Ч.Ч. Валиханова в Кашгар в 1858 г., но этот опыт так и остался единичным, не будучи развит в систему. По этому поводу А.П. Федченко писал: “Система пандитов не была употреблена с нашей стороны. Самое начало ей положено было посылкою Валиханова в Алтышар (1858 г.), результаты которой были блестящие, но продолжения с нашей стороны не последовало, а англичане развили этот способ исследования и заслужили всеобщие восторги и одобрение” [7].

Сами же англичане шли восточнее, через Ладак и бассейн Тарима, этому способствовала активизация тайпинского движения (1850–1864 гг.) и поражение Китая во второй “опиумной” войне (1856–1860 гг.), а также отпадение Синьцзяна от Цинской империи в результате восстаний местных мусульман и создание к середине 60-х годов государства Якуб-бека, которого англичане всемерно поддерживали.

В 1860–1861 гг. пандит Абдул Маджид из Кабула прошел через Бадахшан, Вахан и Алай в Коканд, куда был направлен ост-индским правительством с подарками и письмом к Малля-хану [9]. В августе 1863 г. другой пандит Мухаммед Хамид прибыл в Яркенд, где и

оставался до марта 1864 г., затем отправился обратно к Ладаку, однако по дороге заболел и умер [2]. В 60-х годах XIX в. Восточный Туркестан и Памир посетил Мухаммед-Амин, бывший проводник А. Шлагинтвейта. Он подробно описал административное устройство Синьцзяна, сделал тщательный обзор Кашгарской, Яркендской и Хотанской областей, включая состояние и численность войск, характеристику фортификационных сооружений и состояние торговли [2]. Помимо этого составил список перевалов через Памир и проанализировал политическое положение Сарыкуля того времени [2]. В 1864 г. Восточный Туркестан посетили американцы Помпелли и А. Давид [16]. Данных об их деятельности не имеется, но факт присутствия американцев, во время гражданской войны 1861–1865 гг. в США, в Центральной Азии позволяет сделать предположение, что путешествовали они по заданию британских властей. В 1865 г. рекогносцировку до Хотана совершил Джонсон. Результатом явилась целая коллекция маршрутов по распросным сведениям [2]. В этом же году пандит Фаиз-Бахш совершил путешествие в Бадахшан, Кундуз, Бухару и Хиву [9]. В 1867–1868 гг. другой пандит Манфуль прошел Бадахшан и ознакомился с бассейном р. Кочка [9].

Такая активизация деятельности английских разведчиков была вызвана успехами России в Средней Азии. Войну Коканд и Бухара, это становилось все яснее, проигрывали. И недалеко уже было то время, как считали в Англии, когда русские войска окажутся у границ Индии, поэтому необходим стал переход от общей разведки к разведывательно-дипломатическим действиям. Основным районом деятельности английских разведчиков становится Кашгар, где в 1865 г. образовалось государство Якуб-бека, так как Бухарский эмират и Коканское ханство вскоре стали вассалами Российской империи и перестали быть приоритетными регионами для английской политики.

В 1868 г. Р. Шоу предпринял поездку в Яркенд и Коканд с “торговыми” целями. Почти одновременно с ним туда направились Г.У. Хейуорд “с чисто научными целями” [9] (между прочим, сотрудник Большой Тригонометрической Службы Индии) и капитан Торп. Шоу уже в дороге, с трудом добился того,

чтобы эти “туристы” избрали себе какой-нибудь другой маршрут и “не мешали ему довести до конца свою миссию” [17]. Такая конспирация действительно имела смысл, т.к. именно с первой миссией Шоу начались регулярные поставки английского оружия Якуб-беку [18]. В Кашгаре и Яркенде Шоу и Хейуорд пробыли до апреля 1869 г. Хейуорд в своем докладе по результатам поездки привел подробные сведения о дорогах, ведущих от Пенджаба в Кашгар, их режиме, подъемах и перепадах; максимальной нагрузке лошадей; ценах на вьючный транспорт; температуре на разных высотах по времени года, природе гор. Особое внимание он обратил на р. Яркенд – наиболее удобную для перевозки грузов. В одном из приложений к докладу он обстоятельно описывает дорогу от Яркенда в Кашгар, а в другом дает полные метеорологические сводки погоды в Ладаке и Восточном Туркестане в целом и за каждый день, начиная с ноября 1868 г. по июнь 1869 г., а также подробные сведения о наиболее значительных городах и селениях [19]. На обратном пути Хейуорд “стал жертвой подозрительности местных жителей и погиб в долине Яссина” [9].

Зимой 1868–1869 гг. в Восточный Туркестан прибыл посланный майором Монтгомери, Мирза, родом из Мешхеда, пройдя через Бадахшан и Памир. Имя его неизвестно, так как имена агентов Монтгомери были неизвестны до их смерти. Мирза работал в штаб-квартире Наблюдательной службы Индии. В 1867 г. ему поручили найти путь от Читрала до Бадахшана и проверить дороги в Коканд и Кашгар [19]. Мирза отлично был подготовлен к съемкам, знал турецкий и персидский языки. Он лучше и обстоятельнее, чем кто-либо из пандитов “изучил” Памир [9].

Действительно, Мирза первым дал подробнейшее описание дорог Памира для военных целей. Тщательным образом он отмечал расстояния между даже мелкими населенными пунктами, никогда не забывая указать наличие для войск подходящих мест для разбивки лагерей, фуража, топлива, провизии [8]. Не обделил он вниманием и фортификацию края, отмечая все более или менее пригодные места для обороны. Так, крепость Караул он описал следующим образом: “Это сильная позиция,

полностью контролирующая дорогу, укрепления построены на вершинах скал таким образом, чтобы сделать невозможным появление врага со всех сторон, исключая восточные и западные ворота” [8]. Кроме того, Мирза собрал сведения о русских укреплениях на Тянь-Шане: “в форту Тожиа находится всего 400 саперов, мост через р. Нарайян охраняется 500 солдатами; в 10-ти днях марша от Нарайяна расположен форт Томак с гарнизоном 100 человек и 4-мя пушками, а оттуда в 10-ти днях марша – Алай, с 2 тыс. солдат и 8 пушками” [19]. Свои разносторонние способности Мирза проявил и в изучении настроений местного населения. В Кашгаре он пробыл до 1870 г., собирая нужные сведения. В 1869 г. Фаиз-Бахш совершил поездку в Балх и Самарканд [9].

Особое место среди агентов английской разведки занимает Агар-хан, глава шиитов в Бомбее и на Памире, который получал жалованье от британского правительства. Его влияние было очень сильно в странах между Кабулом и Кашгаром, и для поддержания этого влияния он время от времени странствовал в этих странах [8].

В 1870 г. в Кашгар прибыла первая миссия Д.Форсайта, в нее входил и Р. Шоу. “Исследователями” было привезено до 400 ружей [18], а из Кабула был отправлен через Бадахшан, Вахан и Памир в Кашгар Фаиз-Бахш [9]. В его обобщении содержится подробное описание всех пройденных им этапов и других путей, о которых он слышал [20].

В 1870 г. было совершено несколько путешествий. Офицер Хавильдар обследовал Гиссар, Куляб и Каратегин [9]. Сержант Сапперс был послан Монтгомери для завершения маршрутного обзора от Пешевара до Файзабада [1]. Однако существует мнение, что Хавильдар и Сапперс являются одним и тем же лицом [1]. Пандит Ибрагим-хан прошел через долину Яссина и перевал Даркот на Памир до Лангара, а оттуда в Кашгар, присоединившись к миссии Д. Форсайта [9]. Тогда же совершил путешествие и доктор Потагос (гражданин Греции) через Памир в Кашгар [20], по всей видимости, также тайный агент Наблюдательной Службы Индии.

В 1872 г. Хавильдар получил задание пройти от Читрала до Файзабада, а оттуда через бухарское владение Дарваз и Каратегин в

Коканд, но он смог добраться только до Файзабада. Хавильдар представил подробное описание дороги Пешевар – Файзабад, проанализировал настроение населения в Бадахшане [19]. В генеральном плане трансгималайских и транспограничных исследований, разработанном в Большой Тригонометрической Службе Индии, этот путь оценивался как один из главных [19].

Небольшой спад разведывательной деятельности в начале 70-х годов XIX в. вскоре сменился небывалым всплеском активности британских агентов. Это было вызвано присоединением Хивы к Российской империи в 1873 г.

В этом году в Семиречье побывал Эштон Дилк с целью “изучения быта и нравов местного населения” [17]. Тогда же Первый секретарь посольства США в Петербурге Е. Скайлер 8 месяцев путешествовал по русским владениям в Средней Азии. Особое внимание он обращал на анализ военно-политической ситуации в регионе [17]. Находясь в Ташкенте, Скайлер вел себя вызывающе, называл намерения России вернуть Кульджу Китаю глупостью, давал советы, как присоединить Кокандское ханство в 1873 г. [17], что в тот момент было преждевременным. Вызывает недоумение легкомысленное отношение русских властей к персоне Скайлера, являвшимся представителем дружественной страны – США. Так, военный министр снабдил его 2 специальными картами Центральной Азии, а также картой Кульджинской области [22]. Вообще внезапный интерес Первого секретаря посольства США в Петербурге к этнографии и фольклору местного населения вызывает естественные подозрения в том, что и здесь британская разведка действовала через иностранных граждан.

Тогда же другой американец Мак-Гахан проявил завидную храбрость, в одиночку добравшись до отряда фон Кауфмана, осаждающего Хиву. Подробно записывал численность русских войск, анализировал их тактику и стратегию в среднеазиатских войнах, тщательно описывал русские укрепления [23]. Мак-Гахан считал, что “одна батарея новейшей полевой артиллерии покончила бы с каждым русским фортом за полчаса” [23].

В 1873 г. некий пандит, известный под именем Мулла, посетил Читрал, Барогил, Вахан, Таш-Курган, Яркенд и Ладак [8].

Помимо этих чисто разведывательных операций, британское правительство все более налаживало отношения с государством Якуб-бека. Для этого в 1873–1874 гг. в Кашгар была послана большая экспедиция под руководством Д. Форсайта. В состав входили: полковник Гордон, капитаны Троттер и Биддальф, Белью, Чепмен, доктор Столичка. Официальной целью экспедиции называлось заключение торгового договора с Якуб-беком и отчасти научное изучение страны [9]. “Исследователи” прибыли ко двору Кашгара не с пустыми руками: было доставлено до 2,2 тыс. скорострельных ружей и 8 горных нарезных орудий трехфунтового калибра [24]. В официальной части задания Форсайту приписывалось добыть самую полную и точную информацию о положении на границах России с Кашгаром и Афганистаном, особенно в долине р. Или [19]. В своем докладе Форсайт перечислил все населенные пункты, встретившиеся на пути, с указанием численности населения, природных и климатических условий; привел данные о наиболее распространенных в стране болезнях, а также о войсках, укреплениях, дорогах [19]. За время пребывания в Кашгаре Троттер и Гордон совершили “экспедицию” по долине Артыш и Тоюн до оз. Чатыр-Куль, т.е. на территорию России [8]. В марте 1874 г. Гордон, Троттер, Столичка и несколько пандитов отправились из Кашгара через Янги-Гиссар и Сарыкуль на Памир. Особое внимание было уделено дорогам, ведущим из Яркенда в русские владения. Троттер сделал полный обзор пути, уточнил координаты астрономическими наблюдениями; кроме того, он разметил по маршам расстояние от Кашгара до Оша и примерно указал привалы [19]. Столичка обследовал горные проходы, вершины гор, режим рек и пастбищ [19]. Гордон занимался в основном изучением условий для прохождения войск и местных укреплений [25]. В Таш-Кургане его особенно заинтересовал форт, но правитель округа не разрешил подойти к нему ближе, чем на 500 ярдов [19]. Также Гордон имел в это время несколько бесед с Алиф-беком Сирикольским, который незадолго до этого вер-

нулся из поездки по некоторым городам русского Туркестана [25]. Капитану Биддальфу было дано отдельное задание – найти кратчайший доступный путь из Читрала в Бадахшан, что он успешно и выполнил. Дорога проходила через Барогильский проход, на высоте 4 тыс. м. Впоследствии секретарь Королевского Географического общества К.П. Мархэм подчеркивал, что Барогил – наиболее доступный из всех известных перевалов [19].

Помимо традиционных путей проникновения в Туркестан – через Афганистан и Синьцзян – английские разведчики старались попасть непосредственно во владения России в Средней Азии. Чтобы пресечь “научную” деятельность английских путешественников был издан приказ, запрещающий всем европейцам, не русским подданным, вступать в Туркестанскую область [23].

В 1876 г. капитан Барнеби пытался пробраться в Хиву, но был задержан и выслан за пределы русских владений в Средней Азии [26]. В феврале 1880 г. в Семиречье был послан Дельмар Морган для “собираания цветов и бабочек”. Он побывал в городах Верный и Пишпек, на оз. Иссык-Куль, затем, прибыв в Кульджу, внимательно наблюдал за дислокацией русских войск в этом районе [17]. В начале 80-х годов XIX в. в Семиречье побывал и Ленделл с целью продажи кыргызам Нового завета на “киргизском” языке [17]. Вообще, английская разведка не игнорировала возможности получать необходимые сведения через духовных лиц. Так, в Оренбурге в 30-е годы XIX в. располагалась английская евангелическая миссия, деятельность которой вызывала большие подозрения у местных властей и поэтому была запрещена в 1839 г. [27]. По этому поводу генерал-лейтенант М.А. Терентьев писал: “Куда англичане не могли проникнуть с оружием, туда они являлись с аршином, а если и аршином достать не могли, не церемонились пустить в ход и евангелие!” [26].

В конце 70-х – начале 80-х годов XIX в. стало ясно, что Россия прочно утвердилась в Средней Азии, однако попытки проникновения английских агентов продолжались. Так, в 1880 г., в Бухаре были задержаны и арестованы индус Гупал Сингх, пробравшийся в Туркестан под именем Шейха Абдуллы Маджиды,

и Л.Г. Ксуэреба по подозрению в шпионаже [26]. В дальнейшем британская разведка активизировалась только во время острых конфликтов на границах России с Афганистаном и Китаем. Так, в период разграничения с Афганистаном, в 1885 г. Элиас был послан с политической миссией в Кашгар, а по возвращению пересек Памир по пути в Шугнан [20]. В 1888–1889 гг. Памир посетили англичане Литтлдел и Юнгенсбэнд и американцы О. Коннор и Ридгвэй [20]. Во время же разрешения Памирского вопроса (1892–1895 гг.) на Памире путешествовал Керзон с “чисто научными целями”, будущий министр иностранных дел Великобритании [20]. В 1895 г. Памир посетил лейтенант Пич якобы для охоты в Кашмире, так как “это дешевле обойдется, чем в Англии, с дорогими приемами гостей” [3].

В своей сложной и опасной работе английские разведчики получали помощь из довольно необычного источника – от российских руководителей местных и центральных органов управления. Так, чтобы успокоить общественное мнение в Англии Милютин (военный министр) послал лорду Стенли подробные сведения о числе российских войск в Средней Азии [28]. В 1891 г., к генерал-губернатору Туркестана Вревскому, объезжавшему Алтай, присоединился секретарь Английского посольства Эллиот, намеревавшийся будто бы проехать через Кашгар в Индию, но на самом деле не отходил от Вревского ни на миг, и вместе с ним вернулся назад, “позабыв” об Индии [3]. Вообще отношение Вревского к англичанам в Туркестане удивляло своей мягкостью и доверчивостью, что граничило или с глупостью, или с изменой. Н. Петровский (кашгарский консул) удивлялся тому, что его секретные сообщения генерал-губернатору об английских разведчиках, проникавших из Кашгара в Ташкент, делались известными этим самым разведчикам, радушно принимаемым у Вревского [3].

При рассмотрении деятельности английских разведчиков в Центральной Азии в XIX в. советская историческая наука всегда противопоставляла английских “агентов-шпионов” русским бескорыстным, отважным путешественникам-первопроходцам. В то же время современная западная историография этой про-

блемы, наоборот, превозносит героизм английских путешественников, доказывая, что шпионами были как раз именно русские. По сути дела эта модернизация взглядов английских авторов XIX в. по этой проблеме (Адье, Булджера, Керзона, Крауссе, Роулинсона, Вормса и др.). Любопытно, что подобных взглядов придерживалась и значительная часть русских ученых и путешественников в XIX в. Так, например. Пл. Чихачев писал: “Англичане – предприимчивые и просвещенные исследователи, не страшились жертвовать своею жизнью для изучения стран Внутренней Азии” [5]. На самом деле эти две позиции представляют собой две крайности, вызванные стремлением “обелить”, оправдать, представить в лучшем свете деятельность своих соотечественников.

В действительности же и английские, и русские разведчики просто выполняли свой долг, действуя в интересах своей страны. Шпионы на чужбине, герои на родине – такая была диалектика их работы, и об этом никогда нельзя забывать, приступая к изучению этой специфической темы.

Литература

1. Wood J. A journey to the source of the river Oxus. New edition, with an essay on the geography of the valley of the Oxus by H. Yle. – London. – Гл. 12. – 1872.
2. Риттер К. Землеведение. – Вып.2. – СПб., 1873.
3. Путешествие Мир Иззет Уллы в кокандское ханство в 1812 г. / Пер. Ю.А. Соколова // Тр. САГУ. – Вып. 78. – Кн. 11: Исторические науки. – Ташкент, 1956.
4. Риттер К. Землеведение. Вып. 1. – СПб., 1869.
5. Чихачев Пл. О исследовании вершин Сыр и Аму-Дарьи и нагорной площади Памир. – СПб., 1848.
6. Соколов А.Я. Английские происки в Афганистане в первой половине XIX века // Тр. САГУ, История стран Востока. Новая серия. – Кн. 9. – Вып. 68. – Ташкент, 1955.
7. Юль Генри. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи. – СПб., 1873.
8. Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. – СПб., 1879.

9. *Мушкетов И.В.* Туркестан. – Т. 1. – Ч. 1. – СПб., 1886.
10. *Бернс А.* Путешествие в Бухару. – Ч. 1,3. – М., 1848.
11. История Афганистана с древнейших времен до наших дней. – М., 1982.
12. *Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф.* Н.В. Ханыков – востоковед и дипломат. – М., 1977.
13. *Юлдашбаева Ф.Х.* Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии (70–80 гг. XIX в.). – Ташкент, 1963.
14. *Риттер К.* Землеведение. – СПб., 1859.
15. *Семенов П.П.* Путешествие в Тянь-Шань. – М., 1958.
16. *Щукина Н.М.* Как создавалась карта Центральной Азии. – М., 1955.
17. *Вайнштейн О.Л.* Иностранцы путешественники о Киргизии (60–70-х гг. XIX в.) // Уч. записки ист. фак. КГУ. – Вып. 5. – Фрунзе, 1958.
18. *Кляшторный С.Г., Колесников А.А.* Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX в.). – Алма-Ата, 1988.
19. *Хидоятов Г.А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-х гг.). – Ташкент, 1969.
20. *Дор Р., Науманн Клас.* М. Киргизы Афганского Памира. – Грац, 1977.
21. *Бак-Граммон Жан-Луи.* Описание Кокандского ханства начала 30-х гг. XIX в. // Кайе дю Монд рюс э Совьетик, XIII, 1972 /Пер. Л.Ф. Строилова. – Фрунзе, 1979.
22. *Россель Юр.* Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке // Вестник Европы. – Кн. 6. – СПб., 1878.
23. *Мак-Гахан.* Военные действия на Оксусе и падение Хивы. – М., 1875.
24. *Куропаткин А.Н.* Кашгария. – СПб., 1879.
25. Путешествие на Памир Гордона //Изв. РГО. – Т. 12. – Вып. 6. – СПб., 1877.
26. *Нуриддинов З.Р.* К вопросу об английских происках в Средней Азии в 70–80 гг. XIX в. // Уч. зап. Ташкентск. пед. ин-та. – Вып. 3: История. – Ташкент, 1956.
27. *Герентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. – Т. 1, 3. – СПб., 1906.
28. *Герентьев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии. – СПб., 1875.
29. *Маджи А.Е.* Новый источник по истории Коканда, Кашгара и Бухары. (Рукопись “Таварихи манзума”). //Изв. отд. общ. наук АН Тадж. ССР. – Вып. 1. – 1958.
30. *Вамбери А.* Очерки Средней Азии. – М., 1868.
31. Донесение посла в Константинополе Игнатьева государственному канцлеру от 15.01.1869 г.